

Слияние светского и церковного в придворной жизни России елизаветинской эпохи (1741 – 1761 гг.).

Чикова Виктория Александровна

Аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chikovavika@mail.ru

Придворная жизнь в России в царствование Елизаветы Петровны впитывала в себя различные тенденции развития, существовавшие в русском обществе. Например, идеи эпохи Просвещения, которым Россия открылась в результате реформ Петра. В то же время, уклад жизни во много определялся традицией и поддерживался религиозностью православного населения, в том числе, и образованного общества. Как пишет Ф.-Д. Лишттенен, «двойственная политика Елизаветы, которая, с одной стороны была открыта для контактов с иностранцами, а с другой – привязана к русским традициям, нарушала чёткую картину мира, созданную философами» [1]. Духовенство составляло значительную часть пишущей и читающей публики. Труды Георгия (Конисского), Гавриила (Петрова), Евгения (Болховитинова), Платона (Левшина), протоиерея Петра Алексея и других представителей ученого духовенства внесли огромный вклад в становление отечественной филологии, истории, педагогики и философии [2]. Важной, но мало изученной проблемой является вопрос о роли публичного богослужения - праздничных служб, молебнов, крестных ходов и других религиозных действий в изменении публичного пространства. Елизавета Петровна после долгого перерыва восстановила традицию своего деда, царя Алексея Михайловича, ходить на богомолье, особенно в любимый ею Троице-Сергиев монастырь. Эти богомолья - одна из ярких иллюстраций противоречивого характера Елизаветы. По традиции своих предков, выехав за последнюю московскую заставу, она выходила из кареты и шла к Троице пешком. Богомолья Елизаветы проходили несколько необычно. С дороги, по которой шла цесаревна (а позже императрица), сгоняли паломников, всех тех, кто ехал по делам. Елизавета двигалась в окружении своей свиты, придворных, кавалеров. Наслаждаясь природой и приятными разговорами, она проходила в день 5-10 километров. Устав, она останавливалась, и по ее велению ставили великолепные шатры со всевозможными удобствами и развлечениями. Иногда она могла возвратиться отдохнуть в Москву или в подмосковный дворец, посещать балы, а через несколько недель карета привозила её на то самое место, с которого она уехала, и продолжался путь к Троице. В записях камер-фурьерских журналов сохранилось красочное описание первого богомолья, совершенного после того, как Елизавета стала императрицей [3]. 25 июля 1742 г. Елизавета вместе со свитой из Аннингофского дворца «изволила шествовать в село Мытищи», затем в село Братовщины, после обеда в этом селе «изволила воспринять путь обратно для отдохновения в Москву» [3]. Далее шествие проходило ещё через 4 села, по пути следования были «поставлены ставки на лугу». На Красной горке недалеко от Троице-Сергиева монастыря императрицу встречала «в два ряда лейб-компания и была пушечная стрельба» [3]. 3 августа императрица прибыла в монастырь, встретила с архимандритом Амвросием и братией монастыря, она посещала церкви, «изволила слушать молебное пение» [3], присутствовала на всенощных. 5 августа после обеда Елизавета «изволила вернуться в Москву» [3]. При этом сказать, что проходили богомолья так своеобразно потому, что Елизавета относилась к ним несерьёзно или проявляла лицемерие, было бы неверно. Е.В.Анисимов считает, что Елизавету нельзя было упрекнуть в показной вере. Скорее всего, это была форма богомолья, наиболее удобная и гармоничная и для Елизаветы, и для того времени. Это было искреннее проявление истинной веры, но не в древнерусском ключе, а в соответствии с теми условиями, в которых находилась Россия в середине XVIII в.,

европеизированная реформами Петра; богомолья Елизаветы находились в какой-то степени в русле петровской религиозности, не включающей в себя церковности московской Руси. Причудливые сочетания церковных праздников и светские формы их празднований, более похожие на развлечения, также отражали наиболее гармоничный для Елизаветы вариант исполнения догматов. В 1753 г. она отдала указания, как следует начинать празднование Пасхи: «В день святой Пасхи в соборе благовест, а потом и утреннюю начинать тогда, когда на Красной площади стрелять велено будет, а прочим церквям потом благовест начинать и утреннюю в то время в какое оное в соборе начинается, а прежде того не начинать» [4]. В этом также проявилось сочетание светских новшеств и религиозного празднества. Церковные иерархи старались учитывать настроения императрицы. Так, синодальный член архимандрит Арсений предложил отметить приезд Елизаветы и наследника престола в Троице-Сергеев монастырь «краткими стихами и иллюминацией» [5]. Предложение выглядит вполне светским. Отмечать важные события иллюминацией - это традиция, введенная Петром и наиболее характерная для светских праздников и увеселений. Инициатива была одобрена, и московская типография напечатала стихи к приезду императрицы. Согласно протоколу Синода, в декабре 1741 г. был составлен личный список праздников императрицы (день рождения, день тезоименитства, день восшествия на престол) и побед русского оружия (Полтавская битва, сражения при Гангуте и Гренгаме, взятие Нарвы и т.д.), которые полагалось отмечать в церквях бдениями, литургиями, молебнами и колокольным звоном [6]. К примеру, годовщина коронации Елизаветы в 1744 г. сопровождалась «трехкратной пальбой из пушек» [7] и посвященным этому событию молебном. В середине XVIII в. важное место в общественной жизни заняла церковная проповедь. Умелый проповедник был обязан учитывать интересы "градских очищеннейшаго ума и книги знающих прихожан" [8]. Проповеди знаменитых церковных риториков привлекали толпы слушателей из разных сословий [2]. XVIII в. был богат духовными «витиями», которые изо всех сил старались использовать свой проповеднический талант для прославления царствующих особ. Множество их проповедей было посвящено Елизавете [9,10,11]. Один из обер-прокуроров елизаветинского царствования А.С. Козловский даже предлагал «синодальным членам и прочим проповедникам в печать издания учинить» [12]. Наложение официальной государственной религии, которая играла роль основы национальной самоидентичности, на культурные и бытовые особенности жизни высших слоёв общества, создало широкий спектр возможных взаимодействий светского и церковного начала в общественной жизни России в середине XVIII столетия.

Источники и литература

- 1) Лиштенау Ф.-Д. Русская церковь XVIII в. глазами западных наблюдателей: политические и философские аспекты. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С.65-76.
- 2) Цапина О.А. Православное Просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 301-313.
- 3) Журнал «Троицкого» походу 1742-ого году. СПб., Б.г. С.1-5.
- 4) Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф.796. Оп.34. Д.176. Л.1.
- 5) РГИА. Ф.796. Оп.25. Д.44. Л.1.
- 6) РГИА. Ф.796. Оп.209. Д.120. Л.23
- 7) Журналы походные и церемониально-банкетные 1744 г. СПб, Б.г. С.39
- 8) Книга о должностях пресвитеров городских. СПб., 1776. С. 37.

- 9) Гребневский Пётр. Слово в высокаторжественный день коронации. СПб., 1742.
- 10) Геден (Криновский). Собрание поучительных слов при высочайшем дворе. М., 1882.
- 11) Амвросий (Юшкевич). Слово в высочайший день рождения. СПб., 1741.
- 12) РГИА, Ф.796.Оп.42.Д.12.Л.1.